

Победитель конкурса «ЛЮБОВЬ МЕЖДУ СТРОК»

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

— | Соня Матик | —

Петроград -Виипури, ноябрь 1921

16+

Сонич Матик
Переходный период. Петроград
– Виипури, ноябрь 1921
Серия «Похищенная весна», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64777286

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-95005-4

Аннотация

Повесть о трёх ноябрьских днях 1921 года, когда двадцатилетняя Оля Киришова бежит с мужем из Петрограда. Она вспоминает беззаботное детство, родителей, бурную мечтательную юность и убийство подруги. Она пытается понять, как всё случившееся привело её в один автомобиль не с любимым, а с фиктивным мужем. Всю дорогу ее мучают вопросы о друзьях и их судьбе. Но случайные события в путешествии раскрывают для нее тайны прошлого и смысл ее жизни.

Содержание

Пролог. Из писем Жанне Лонд	4
Глава первая. Там, где дом	7
Глава вторая. Трепетные чувства	38
Глава третья. Посвящение	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сонич Матик

Переходный

период. Петроград –

Виипури, ноябрь 1921

Пролог. Из писем Жанне Лонд

11 апреля 1913 года

Здравствуй, милый мой дружочек, Жаннет!

Ну ты и дура, что не пошла с Ростиславом после спектакля! Мы замечательно провели время. Девочки визжали от восторга. Ростислав познакомил нас с милейшими дядечками. Павел Павлович и Аксель Христианович за кошель не держатся. Шампанское рекой! Фрукты, шоколад. Мне кажется, я сладкого больше никогда есть не буду теперь. Сегодня мой лучший друг вотерклозет.

Вернешься к тетке, напиши, как прошел твой французский уикенд.

Целую, обнимаю, твоя Марта

1 октября 1913 года

Здравствуй, милый мой дружочек, Жаннет!

Не надо плакать. Не надо убиваться. Я тебе сразу говорила, что твой Этьен напыщенный индюк. И не в какие Провансы он тебя не повезет. Поди, у него там жена французская толстуха и мал-мала-меньше рядок гортанящих петушков.

Вечером будет Ростислав. Поедем после выступления с нами на Лиговку – развеешься. Мы тебе там такого покровителя найдем, враз прямой станешь и в Париж свой поедешь.

Не грусти!

Обнимаю, твоя Марта

23 марта 1914 года

Здравствуй, Жанна!

Что это было, рыбонька моя? Ты зачем выкрутасы такие на репетиции устраиваешь? После этого, думаешь, царский устроит тебе протекцию? Он теперь тебя только в массу поставит, помяни мое слово! И то, если скандалов большие не повториться.

Сказано «бери» – надо брать. Сказано «давай» – надо дать. А иначе у нас никак. Уж вроде не девочка, должна бы понимать.

С наилучшими пожеланиями, Марта

Глава первая. Там, где дом

По запотевшему стеклу сбегали капельки. Они не давали разглядеть проползающие за окном огоньки редких домов, едва различимые в густых осенних сумерках. У Оли заслезились глаза, то ли от напряженного разглядывания темных силуэтов за окном, то ли...

«Сырость! Какая сырость! Все псиной пахнет!»

Оленька попыталась пригладить мех на рукаве пальто, но в машине было тесно и дотянуться не получилось. Ее худенькое плечико сдавливала голова молодого спящего мужчины в очках. Точнее, голова на кочках и поворотах ежеминутно скатывалась, а Оленька, поджав губки, возвращала ее на место. При этом каждый раз она нервно дёргалась к отвороту на рукаве, который так вульгарно топорщился!

«Боже! Какой же он угловатый! С ним даже сидеть неудобно!» – она снова раздраженно прижала голову Андрея к дивану и обратилась к водителю:

– Любезный, потише, прошу... – хотела сказать как взрослая, но получилось только умоляющее лепетание.

Водитель, не вызывающий доверия чекист в черной коже, кивнул. Не оглядываясь на пассажиров, притормозил. Но что он мог сделать? Дороги не изменить – повороты, кочки, ухабы, лужи размером с Финский залив, – дороги мимо Выборгского тракта, можно сказать, и не было.

Давно уже скрылись позади массовые застройки уснувшего города и круглосуточно дымящие удушливыми газами пороховые заводы. Дачи и мызы шофёр умело обходил по бездорожью какими-то лысыми осенними перелесками. Подвыванием и тарактением представительского авто не хотелось бы сейчас привлекать внимания спящего рабочего класса.

Радостное возбуждение Оли от сборов и предстоящего путешествия сменилось грустью и тоской.

Она уже успела привыкнуть к суете Петрограда. К его грязи и постоянному страху она уже тоже успела привыкнуть за неполные четыре года. Человек ко всему привыкает...

«Мамочка, мамка Фрося, отец... Как теперь без них?»

Лишь раз она покидала их более чем на сутки. Да и случилось это не по ее воле, а из-за заставшей вне дома болезни.

Теплые мысли о прошлом, о детстве потоком уносили Олино сознание прочь от холодной тряской яви. Эпизоды прежней ее жизни всплывали, замещая настоящие и как будто не настоящие переживания.

Те трепетно нежные моменты, еще когда они жили в Выборге вдвоем с матерью. А отец, Алексей Христофорович Кирипов, обосновался в Петербурге. Он прикатывал к ним раз в месяц с подарками. Рабочий автомобиль, огромный как бегемот в зоосаду, пугал прислугу копотью и грохотом колес по брусчатке.

Оля помнила те игры у голубого камина с райскими птицами, где пышнотелая, еще крепкая Ефросинья – коняш-

ка, а маленькая баловница повторяет манеры подвыпившего их конюха Трескотни. Удивительно точно! Понукая Ефросинью, она будто умиряет отцовского ретивого коня. Тот на дух не переносил запаха беленькой и всегда ерепенился перед стойлом, давая пьянчужке жару.

Мама, Софья Алексевна, еще совсем юная, широкоскулая, в высоком повойнике «по-пскопски», хохочет, как девочка. С нетерпением дождавшись конца игры, оставляет свою корзинку с вязанием и кидается на ковер, обращаясь молодой кобылкой, привезенной отцом в лето позатого года.

Софья Алексевна хочет, чтобы ее ангелочек показала бурную встречу Трескотней этой пугливой и красивой, но совершенно неловкой особы, появившейся в их конюшне.

— Ох ты, ох ты! Возжа попала?! Ну-ка, ну-ка! Иди-ка! Ух ты, ух ты! Легатися?! Поди, Марёвна, в сенцо, не плетью же в самом деле тебя... Лексей Крестьяным! Что за чудинку привезли?! Пороняет, побьет все, сама охромится!..

Оля видела эту сценку как будто со стороны. Пятилетнюю себя в вывороченном жилете на одну рубашонку, радостно кривляющуюся и ломающую голос перед мамками.

Она заулыбалась, очнувшись. В ушах еще не утих дружный женский хохот, а открытые глаза уже вперились в холодную темноту.

В салоне автомобиля совсем исчезли тени, и силуэты сидящих рядом мужчин стали плоскими на фоне скачущего

ответа тусклых фар. Они казались менее живыми, чем те грезы, только что посетившие ее.

Оленька держала глаза открытыми, но взгляд ее по-прежнему был погружен в светлые видения прошлого.

Она помнила, что и отец, и мать юную доченьку свою не строжили. Ее маленькую, чадушко единственное, они носили на руках.

Тогда еще, когда отец бывал у них чаще, каждый раз он баловал ее. Радовалась тогда и Софья Алексевна. И Оле смутно казалось, что он ещё целовал мать в те годы. Но воспоминания были теплыми и нечёткими, как детские сны. Может, и не было того никогда?

В более поздние события она помнила более осознанно.

Когда Олю научил грамоте доктор Хендриксон, отец стал привозить дочери прессу из столицы, считая, что выполняет свою часть воспитания.

Он с гордостью слушал, как дочь все лучше и лучше читала его любимые колонки уголовных новостей. Мама при этом зажимала уши и вместе с вечной спутницей – корзиной рукоделия – выбегала к Фросе на кухню. Она считала, что десятилетней барышне не следует знать таких страшных и неприличных вещей.

Но к слову сказать, Оля все равно не понимала, что за сказ про «девицу», которую нашли у Обводного, и чего ее там нашли. А разборки извозчиков на Лиговке – это вообще хандра смертная. Читала она, думая совсем о другом:

– «... Раненого приезжего казака доставили в санчасть управления железных дорог, где тот скончался от потери крови. Виновником стычки назвали покойного, оскорбившего прилежших у постоя после ночного извозчиков. Вещей при нем не оказалось, хотя, по свидетельствам очевидцев, казаку оторвали руку уже после того, как он закинул тяжелые чемоданы в коляску на спящего извозчика...» Папа! А в Петербурге больше колясок, чем у нас на вокзале?

– Угу... Читай...

– Папа! А кто там служит извозчиками? Финны или русские?

– Хм... Русские, бывает. Бывает, калмыки, много чернобородых с юга... Там финнов мало... Только если богатые. А простые финны залив любят, да свободу. У Невы-то им скучно!

– Папа! А извозчики ночуют, как у нас, в колясках или у них дома свои есть?

– Читай-читай! Что тебе извозчики? Там извозчики тоже – беднота приезжая!

– «...У собора Святой Троицы перед праздником был найден младенец, подброшенный заблудшею душою с повинною запиской. Младенца передали в детскую больницу под именем Татьяны Соборовой, в честь святой мученицы...»

Еще пара другая отчётов сыска, и отец уже дремал под пестрым домашним одеялом. Оля пыталась протестовать

против этой отцовской привычки, но мамка Фрося строго-на-строго запрещала его будить:

— Ты чего ж удумала, чучундра?! Он же, поди, не спамши! Он же в Петербурке своем все дни на фабрике. Мне Степан грил, что бывает, и ночам там сидять. Все чего-то делат-делат. Грит, по неделям проваливается, как в шайтан, и даже на обеды не ходить. Рабочие-то нонче дурныя все: то «забастовка», то «стачка»... Как вот на них управу найти?

Пролетали дни отцовского внимания, как сны бестелесные. Только утром в понедельник в опустевшем без отца доме, мамина спальня пахла его любимым сиреневым мылом...

Оле так вдруг захотелось залезть в родительскую теплую ковать и забыться там в покое хотя бы на часик... В машине же, несмотря на усталость, она не могла расслабиться и заснуть по-настоящему, как ЭТОТ!

Подумала так и вздрогнула – «ЭТИМ» она бы вслух никогда его не назвала. Андрей с детства был ей другом, а тем более теперь, когда он стал ее мужем.

«Месье Андре Перов!»

Но какая-то недосказанность прошлого обуревала. Брезгливость и недоверие сопровождали ее с того самого дня, как они расписались, и Андрей первый раз посмотрел так стран-

но. Точно это самая значимая его победа.

Она, по-прежнему придерживая его голову, зажатая с одной стороны отсыревшей обшивкой холодной автомобильной двери и с другой – жарким телом Андрея в колючем конторском пальто, навязчиво поправляла перчаткой рыжий отворот своего рукава, прокручивая в голове одни и те же мысли:

«Я бесконечно благодарна Андрею. – Кочка. Голова. Мех. – Только уехав с ним из Петрограда, возможно прекратить эту пытку. – Лужа. Голова. Мех. – Мне плохо сейчас, но так надо. Я благодарна ему без меры...»

Андрей Перов был сыном Павла Павловича, друга Олиного отца. И когда Оля в пятнадцатом году переехала с матерью в Петроград, первым ее знакомым оказался именно он, неуклюжий и полноватый Андрюша-гимназист.

Ехавшие аж с Лиговки Перовы часто засиживались у Кирисовых за чаем допоздна. Отцы спорили вполголоса о беспокойных временах, придумывали, как Государю вести дела; что в Думе; как вести разговор с Антантой, и прочее и прочее...

Диковатые же дети их на пуфах у библиотеки под приглядом Ефросиньи учились общаться.

Андрей был всего на год младше, но выглядел еще совсем ребенком в отличие от вытянувшейся в хрупкую пятнадцатилетнюю женщину Оли.

Позже Андрюша часто бывал в их квартире на Петербургской стороне и один. Но еще долго робел перед высокой взрослой девушкой и, чтобы не подать виду, блистал математическими знаниями. Этим он приводил в замешательство уже Олю, совершенно не понимавшую, о чем и к чему он это говорит, например, при обсуждении новой книги.

Даже когда пригласили Карла Ивановича из училища, в точных науках Оленька не продвинулась и знала только простой счет. Может, не дано ей было, а может, учитель много спал после чаю...

Но так или иначе общий язык двое пугливых детей нашли. Уже через три месяца после знакомства Андрюша без затей располагался в гостиной, как у себя дома. Это и послужило предметом шутливых намеков родителей, сводивших милых пташек и свои интересы к их браку.

Очередной приступ нервного зуда спугнул воспоминания. *«Ужасное пальто, только ОН мог достать эту жуткую лису! Моя норковая шубка никогда бы так не разлезлась под дождем. А этот ржавый цвет!»* – Оленька сморщилась, как раз когда, проезжая какую-то яму, ее подбросило. Да так, что она чуть не прикусила язык.

Андрей сильно дернул головой, с него слетели очки, и он проснулся.

– *Не вижу... Где очки? Вот они! Все равно не видно ни черта!..* – промямлил он спросонок. — *Далеко еще?* – спросил

он громче, вглядываясь в мутные окна. На лице его отпечатался такой же рубчик, как на Олином пальто, только красный, а не коричневый и еще более мятый.

— *Я не знаю,* — наконец-то освободившись от спящего тела, Оля стянула черную перчатку и постаралась пригласить непокорную лисицу на рукаве.

— *Ты устала, родная моя? Дай ручку. У-у-у, вся заиндевелила...* — он взял ее тонкую затекшую ладонь в плен разнеженными со сна руками и постарался согреть несвежим влажным дыханием.

— *Не надо. Спасибо. Сейчас пройдет,* — и Оленька попыталась вырваться из этой навязчивой нежности.

Андрей не сразу освободил ее руку. Перед этим он страстно прижался к ней колючими бурыми усами, которые стали так модны среди молодежи после начала войны. В Олину руку враз вонзились десятки игл, она с трудом сдержала окрик, но скорее даже не от боли, а от нарастающего бешенства.

Машину продолжало встряхивать на давно неезженных ухабах лесных дорог. Переваливая тяжелый черный корпус с бока на бок, она походила на пузатую рыбацкую телегу: скорость та же, только шуму больше. А за окном ничегошеньки не видно!

По ощущению, время уже давно миновало полночь и пустилось отсчитывать новый день и новый предзимний месяц.

Оля ежилась, пытаясь запрянуть одернутую руку вместе с перчаткой поглубже в рукав.

– *Георг!* – гаркнул Андрей, окликнув водителя на манер отца – 2-го заместителя наркомпроса, – *два часа уже тащишься по лужам! Мы где вообще?* – при этих неуместно громких словах Оленька вздрогнула и невольно зашипела на своего новоиспеченного мужа.

Водитель от неожиданных звуков коротко оглянулся на пассажиров и, улыбнувшись, невозмутимым голосом сказал:

– *Едем не два, а три часа. Уже объехали дачи в Буграх. Сейчас за станцию прошмыгнем и к Долгому озеру. А через Каменку уж Лахта рядом. Здесь дорога будет! За час-два доберемся... Во как мотает! Развезло просёлки! А вчера приморозило ещё. Только бы гати у Заводской не разобрали до заморозков...*

Оля нервно заерзала, с шумом одёрнула пальто и поглуше замоталась в его длинные полы. Она теперь даже порадовалась, что Фрося заставила ее надеть мамины шерстяные панталоны. Все тело знобило в сыром салоне фиата. А ещё было до тошноты тоскливо! Но говорить с Андреем не хотелось. Даже смотреть на него она избегала.

Видимо, осознав раздраженное ее напряжение, Андрей притих в противоположном углу дивана. Больше на разговор водителя он не вызывал и, судя по дыханию, опять решил подремать.

Оля вновь погрузилась в воспоминания, прощаясь с прошлым. Теперь ее ждет другая жизнь, возможно, даже счастливая...

Тогда тоже была относительно счастливая жизнь.

Софья Алексевна внушила дочери, что та, зная грамоту и читая стопки литературных журналов, непременно будет успешной поэтессой. И по приезде в Петроград, полная надежд и незаконченных рукописей, Оля стала узнавать о самых известных кружках и модных салонах, составляя письма их учредителям весьма детским наивным языком.

Тяжело было Алексею Христиановичу сдерживать улыбку умиления и убеждать пятнадцатилетнюю дочь подождать с вхождением в светскую литературную жизнь:

— Оля, деточка, что же ты сразу так на редуты лезешь? Осмотрись тут пока, друзей с интересами пощи. Вместе легче будет литературный Олимп завоевывать! — изъясв на всякий случай позорные письма, он погладил расстроенную дочь по пепельным кудрям и, глядя в ее по-детски круглые обиженные глаза, ободряюще сказал: *— У меня пока эта корреспонденция полежит в ларчике со стихами твоими. А завтра Андрюша приедет. Образованный мальчишка! Очень смысленый! Вот с ним и устраивай поэтические вечера!*

После этих слов отец ласково поцеловал Олю в макушку, прижав ее головку к пропахшему сиреневым мылом жилету.

Он всегда так ее обнимал в минуты их особенной нежности. Сколько Оленька себя помнила, он так делал. Когда она еще помещалась у него на коленях, и позже, когда ей уже

приходилось присаживаться в реверансе. И так до самой их сентябрьской ссоры.

После знакомства с Андрюшей в жизни Оли появились и другие друзья: сосед Володька Шагов, хворающая смолянка Тонечка Сытина и Жанна Лонд. С последней Оля сама познакомилась на воскресной службе.

Володенька и Тонечка были совершенно бесцветные существа, удивительно точно дополнявшие друг друга. С ними Оленька дружила, потому что это нравилось маме и они много читали. А мамка Фрося неприлично вздыхала им вслед: *«Мне ка'этся, он жениха'этся...»*, — намекая на раннюю их влюбленность.

Жанночка же была крайне эффектна: рыжие блестящие волосы, крупные и яркие черты лица и полная грудь с голубоватыми прожилками, слегка прикрытая в вырезе декольте прозрачным кружевом. Ей было уже восемнадцать — старше всех Олиных подруг. Еще Жанна танцевала в Михайловском в маске, имела знакомства.

Она водила Олю под ручку и нашептывала такие взрослые этюды, что у той бледные глаза подсвечивались огнем от зардевшихся щек, а по спине пробежал холодок до самых панталон.

Отец Жанну не любил, был подчеркнуто холоден. А Оле давал понять, что с балетными водиться не пристало приличной девушке, но Оленька поступала по-своему. К тому же Софья Алексевна говорила: *«А что такого-то? Опыт-*

ная товарка нашей пугливой кобылке не повредит!» А Ефросинья восторгалась: *«Ну и девка! У нас во Пискавской така была б первой молодой!»*

До этих столичных знакомств Оля дружила лишь с книгами да с журналами. И доверяла мысли и чувства только тетрадкам. А всё таинственное взрослое проплывало мимо окон их небольшого особняка на улице, ведущей к холодному заливу.

Маленькая Оленька была, что та лошадка, Марёвна. Всё дремлет, стоя в уголке, а как окликнешь, в испуге прыгнет, ногами длинными переступит, неловко так, чуть сама себя не роняет. А глаза – что блюдца. Всех дичилась! Никого не слушала.

Может, по этой родственности душ Олька и любила свою Марёвну! Породистую длинноногую кобылицу белой масти! Да и внешне они стали похожи. Как два бледных приведения, они гуляли в сумерках возле Батарейной горы, путаясь в лесных лабиринтах камней и кирпичных стен укреплений. А когда Оле надоедало, она садилась на неоседланную Марёвну и мчалась к скале у залива, где до темноты могла просидеть, разглядывая далекий свет маяка, мерцающего, как утренняя звезда на Рождество.

А потом ее находил еле стоявший на ногах Трескотня и бубнил, больше не ей, а себе под нос, что так нельзя, ночью опасно, времена-то какие. Тут портовые да рыбацкѣ одно, че-

го им на ум взбредет... И за поводья вел в конюшню дремлющую Марёвну со светящейся в темноте юной всадницей.

Дома ждала хмурая Ефросиня – руки в боки; жаркий самовар с дымком, тянущимся в ночное окно; и мама с нежной улыбкой и легкой равнодушной отрешенностью.

А потом до полуночи, в августе еще можно при одной свече, Оля листала полиграфические страницы с оттисками черно-белой столичной жизни и мировых новостей.

Это было счастье! Свобода, мечты, уверенность, что дома тебя всегда ждут, куда бы ты не отправился, что бы ты из себя ни представлял!

Приехав в столицу, Оля уже знала наверняка, что будет известной поэтессой.

Дома, в Выборге, она ведь много читала. Она всё знала о литературной жизни Петербурга! И когда отец их с мамой вызвал к себе, у неё не могло быть сомнений, что в редакциях и изысканного «Пробуждения», и популярной «Нивы», и модной «Жизни искусства» только и ждут её рукописей. А главное, их обязательно возьмут и напечатают! Ведь она такие стихи пишет! Когда она зачитывала их неграмотной маме, Софья Алексевна говорила:

– Ну, деточка, твои стихи не хуже этого Сенинова. Мне нравятся! Не хуже!

– Кого? Сениного? А! Есенина, может быть?

– А может, и Сенина... Я их не помню всех. Вот тебя пом-

ню, роднулечка моя! Иди сюда, поцелую головку. Отправь стихи, моя миленькая, папе. И еще напиши ему, что прошлого возу не хватило. На неделю надо бы два воза дров-то.

Это было уже в феврале четырнадцатого года. Всё было в достатке в женском доме Кирисовых, кроме отцовского внимания. Отец жил на квартире в столице, устраивал безбедное житьё своим женщинам. Когда не приезжал, писал домой кратко, по делу, тоже не часто. Но Оля – любимая и любящая дочь – с одиннадцати лет писала ему каждый день сама.

«Дорогой папочка, пишу Вам снова в надежде на скорый ответ. Все три письма на этой неделе мама просила Вас о повышении выплаты на наше житьё. И опять она напоминает о том, что нынче холодно, одного воза дров нам на неделю не достает.

Старая, нежно любимая Вами Лина чувствует себя лучше, хотя всё слабеет. Глаза хорошо не видят, но по нужде она ещё просится на улицу. Трескотня водит её на день в конюшню, где Лина весь день сидит у Вашего Пруста, как будто охоты ждёт.

Завтра мы едем на хутор, так что, если соберетесь, поезжайте сразу на Карстиляярви. Снегу в этом году много. Мы хотим покататься в саних по нашему волшебному озеру. Да и чтобы Лина нюхнула лесного воздуха, может, на ноги ещё встанет. Уже отправили туда Трескотню, чтоб

Пруста Вашего готовил, в надежде, что и Вы с нами проведете веселые выходные.

Прикладываю листок с моим новым произведением «Прощание с юностью». Мама была им очень довольна. Надеюсь, Вам тоже понравится.

Нежно любящая Вас Ваша маленькая Олька.

Мама присоединяется.

P.S. Пришлите, пожалуйста, Переплет для «Нивы» за 1913 год, никак не могу его у нас найти».

Через неделю только отец ответил.

«Дорогая Олька! Ты уже совсем большая и поймешь, что не пишу, потому что занят. Приехать на хутор в выходные не смог. Приезжал на неделю Ивен Христианович. Только отправил дядьку твоего обратно в Париж. Новостей много с того края. Приеду – расскажу.

Снежно в Петербурге, только грязно. Отдыхайте побольше на даче, пока зима не ушла. Там снежок, помню, белый, нехоженный...

Лину отдайте Хендриксону, он ей лекарство даст, чтобы конец. И не реви! Нечего ей мучиться, пожила уже...

Маме передай, что ренту увеличил.

Прочитал твой новый шедевр – замечательный стишок – храню в шкатулке с остальными, уже скоро целый сборник получится!»

То была жизнь, как будто другая и как будто с другой

Оленькой.

А утром в феврале 1916 года Оля страдала, что детство ушло. Она явно ощутила это, сидя у окна Петроградской квартиры, куда солнечный свет не попадал с ноября.

Нет уж старой Лины, Марёвну ее белогривую отписали офицеру «на войну», как и всю их конюшню. Как и всех любимых отцовских коней.

Выборг, сказочный скалистый Выборг теперь только снится!

Здесь, в Петрограде, ее угнетали новые и старые дома – много домов. Много колясок, много автомобилей, много дыма, вони, собак и людей! Какой-то хаос из мелькающих по мостовым в разных направлениях и с разной скоростью. Хотя папа обещал, что Петроград на Выборг похож.

Оля опустила голову над синей тетрадкой, и с ее острого носа на чистый лист упали три слезинки.

«Как страшна жизнь!»

Второй год идет война. Скучные новости с мировых полей печалат, но еще больше печалат люди в этом городе.

Накануне в церкви Оля подслушала, что скоро всё закончится, она хотела обрадоваться, но, услышав продолжение разговора двух прихожан, разрыдалась и выбежала, не дождавшись конца службы.

По возвращении домой мать с Ефросиньей застали Оленьку прямо за дверью. Фрося уже открыла рот, чтобы хо-

рошенько отчитать самовольно сбежавшую девушку, но добрая мама хотела знать, что же случилось.

– *Мамочка! Они сказали, что Императора время скоро выйдет... Что немец будет в Петрограде или ещё хуже делает пригородом Гельсингфорса, а русских всех заставят служить господам и в цоколе спать!!! Они сказали, что Россия слаба и никто ей не поможет... Мама! Я боюсь в цоколе спать! У них там две комнаты! Там и для Степановых детей места мало!* – Оля навзрыд заревела, уткнувшись в мамин подол прямо на пороге.

– *Тише-тише, роднучка! Обойдется как-нибудь... Не первая война, не последняя. Да и немцы – не звери, чай, в печи не сожгут!* – Софья Алексевна сняла с Оли чёрную норковую шубку. Подняла на ноги зареванную свою впечатлительную девочку и передала под руки Ефросинье.

Мамка Фрося же очень не любила такие выкрутасы молочной дочери.

– *Че удумала? Среди «Радуйтесь» сбегать!* – бухтела на ухо ослабшей от слез Оле, пока тянула ее в комнату. – *Люди, верно, подумамиш, что ты совсем того... хвора! Я слыхала, одна дама дорогая в боа...*

– *...Дама в дорогом боа...* – невольно поправила ее Оля.

– *Да-да, еще какое дорогое!.. Она на тебя убогою грила. А детишки – что из тебя бесы скочут. А сами-то ржут, что чертёныши!* — стыдила мама Фрося единственного ребенка в семье. Воспитывала изо всех сил.

Проснувшись только следующим утром и засев страдать к столу у окна, Оля осознавала всю тяжесть и ужас этого несправедливого мира. Упершись взглядом в красные стены дома напротив, она вспоминала, как ничего не боялась в меняющемся, но древнем Выборге. Как были сильны ее мечты и как она верила, что все будет хорошо.

Петроград ей стал казаться все тяжелее, все темнее, даже несмотря на появление новых друзей. Её не так уж и радовало, что отец с матерью всегда теперь были рядом. Они все так же могли не видеть друг друга по несколько дней.

Всё детское счастье было разломано и разрушено. Люди здесь – злые! Стихи и мечты её никому не нужны! Она и сама стала думать, что ничего не стоит и придется поскорее выйти замуж. Наверное, сразу, как кончится война.

А если война никогда не кончится?! А если она еще и мужа не сможет найти? Она знала, что не такая, как все здешние девушки, да и без классического образования... В Петрограде только девки языков не знают! А смолянок здесь в каждом парке по десятку воркует.

«Надо, надо как-то найти свое место в этой жизни. Надо что-то делать! Надо создать свой мир, свой круг друзей! Может, он будет не хуже других, «Серпионовых братьев», там, или «Зеленой лампы», например, – совсем детский разум искал выход. – Все только и говорят, что о судьбах мира и о политике... А я не хочу, чтобы эфир вокруг наполнялся дурными словами. Эта грязь пусть остается за порогом

моего дома! Пусть Володенька только вякнет про свой госпиталь, враз его от Тони отсажу!

Мир спасет красота! Да-да! В мире столько красоты! В мире столько человеческого гения! Этого хватит на всех! В альманахе из Европы – великолепие и блеск, картины, скульптуры, книги – человечество спасет себя творчеством! Я уверена! Да! Теперь точно знаю, я – спасу тех, кто рядом!» – думала она, уже начиная волноваться от новых идей.

– Ефросинья! Доброе утро! Принеси мне от папы прибор, я письма писать буду! – повеселевшая Оля встретила маму Фросю за ширмой. Стягивая с себя ночную сорочку, деловито добавила: – И вечером гости будут, попроси у мамы на цукаты, как на прошлой неделе, или спеки чего-нибудь...

Недовольная Фрося помогла с завязками на свежевыглаженной льняной рубашке. Затем – с рядом маленьких пуговиц до самого подбородка на Олином сером платье в пол. Выкатив нижнюю губу, она сосредоточенно шурилась на каждую петельку и проворно шевелила полными натруженными пальцами.

– Гости... Никаких пирогов! Давеча вот опосля службы мы курником закусывали-с, пока вы тут, мамзель, валялись! Вот теперь неделю жди!

– Ну, Фросенька! – Оля любовно приобняла кормилицу за широкую спину. – Ну не злись! Меня тут люди очень рас-

страивают, понимаешь? Они – злые! А я не умею их не слушать. Ты вот Степана утром вчера бранила, что он двери на ночь не запер, почему? Дома-то мы никогда двора не закрывали... Да?! Потому что ты тоже здесь людей боишься!

– Просто Степан – олух! Его грех не бранить-то, и жена евойная – дура калмыцкая! – стала оправдываться Ефросинья.

Оля поспешила ее одернуть:

– Нет-нет! Слышать не хочу дурных слов! ... Поддай грёбень... Ты, Фросенька, подумай. Они тебя к себе в цоколь не пустили, так ты теперь со мной за стенкой живешь. Разве плохо? Матрена тебя избегает, так ты на кухне как королева ходишь. Скажешь, тоже плохо? Ммм? – Оля, удивляясь своей убедительности, ловко закрутила на затылке гордый улыбающийся бублик и победоносно закончила: – Просто надо во всем искать хорошее и полезное!

Удивленная смене настроения молодой хозяйки Ефросинья согласилась со всеми доводами умненькой Оленьки. Лишь бы не как вчера.

– Да, правда твоя. Больно хорошо мне с тобой! А нет бы, так скисла б я за год, с ихними мальцами в цоколе сидемиш... Но печичь ничего не буду, так и знай! Не хочу на кухне марьюхаться. Пусть Матрёна сама хлопочет.

Дальше Оля не ходила по квартире, а летала все утро.

Написав наскоро пригласительные карточки на вечер,

Оленька решительно отослала их друзьям с первым посыльным.

Отцу на фабрику собрала вчерашние недочитанные газеты. Зная, что он не заходил утром в столовую, подложила ему в карман рабочего пальто яблоко.

Когда Степан поднялся забрать отца, Оля даже поулыбалась ему, хотя и недолюбливала шофёра.

Дала распоряжения Матрёне к обеду, почти как взрослая. Та, спрятав ехидные глаза в складках полных век, великодушно решила не одергивать хозяйскую дочку.

Пробравшись тихонько к родителям в спальню, стараясь не будить спящую мать, Оленька прямо в одежде, как маленькая, забралась к ней под перину. С удовольствием уткнулась носом в подушки и заметила, что они пахнут сиреневым мылом.

«Все прекрасно! – подумала она, согревая озябшие даже в чулках ступни и разглядывая неокрашенный деревянный потолок. – Пусть за окном город грозит, пусть шумит и все крушит, нас это не касается! Наш дом – это там, где мы вместе. Мы будем хранить принятый уклад и покой! Спасибо тебе, Господи! Я все поняла! А если так будет в каждой семье, мы спасем Россию! Мы спасем мир!»

Ее захлестнула волна семейной любовной неги, как в детстве. Когда, осознавая, что родители рядом и у них все, как обычно, ребенок успокаивается и становится абсолютно счастлив.

Это было последнее невинное счастье Оленьки. В эти дни для нее счастье навсегда изменилось.

Часом позже ее разбудила Софья Алексевна, склонив над ней широкоскулое лицо с паутинками морщинок вокруг улыбающихся глаз. По обыкновению, мать убрала свои волосы под темный платок, по-деревенски, и надела легкую телогрейку поверх домашнего платья, на ногах матери красовались туфельки, привезенные Олиным дядей Ивеном из Франции.

Этот контраст как-то остро воззвал к Олиному вкусу. Сама она очень быстро переняла городскую манеру одеваться, даже дома, и четко обличала деревенских баб, приезжавших устраиваться в прислугу.

– *Мама! Надеюсь, к вечеру ты переоденешься? У меня будут друзья сегодня...*

– *Ты на себя-то посмотри, критикёрша! Все платье измятое, пуговицы сикоси-накоси, чулок, вот на-ка!* – она вытащила что-то из-под кровати и протянула растрепанной заspanной Оленьке.

Олька встала прямо на кровати, по-детски поправила спущенный чулок, натянула второй, потерянный во сне, и прыжком соскочила к зеркалу. Вокруг даже задрезжали стеклянные дверцы огромного во всю стену шкафа.

– *Тихо ты! Скачешь, как лошадь! Весу-то в тебе уже больше трех пудов, поди?!* – отпрянув, вскрикнула мать.

Оля присела на стул и с нежностью приняла мамину забо-

ту о растрепанной своей голове.

Днем дома у Кирисовых быт был привычно спокойным, неторопливым.

Приходил учитель, как всегда, часик подремал, пока Оля читала ему пафосные стихи Ломоносова, затем, правда, он все же рассказал что-то о ломанном ритме и влиянии на современников. Затем, пообещав на завтра урок арифметики, отправился через Матрёнину кухню на выход.

Оля покраснела, но улыбнулась, когда услышала, как грубая кухарка послала проголодавшегося педагога самым нелитературным слогом.

Затем пришёл на обед отец. За столом, по обыкновению, не общителен, после кофе воспылал вниманием. Сидя у библиотеки, он слушал, почему вечером Оля не вышла к столу и что творится у неё на душе, о чем сегодня она будет просить друзей. Кивал, одобрительно поддакивал, потом попросил длинную Олю склониться и поцеловал разумную доченьку в макушку, поблагодарив за яблочко.

Мама в уголке с корзинкой, глядя на родных, умилялась и, казалось, совсем успокоилась после переезда. Такая перемена после вчерашних Олиных слез не могла не радовать ее.

Около пяти начали подтягиваться друзья. Первым пришел, конечно, Андрюша.

В идеально новой гимназической форме, слегка расходящейся над ремнём, он все же производил впечатление перспективного молодого человека. И Оленька была в нем уве-

рена. Он всегда игнорировал политические разговоры, его больше интересовали учебники, чем люди. Он даже в последний год надел очки, так как слишком много читал.

А еще он говорил, что хочет поступать не в наш отсталый университет, а вот в Сорбонне, ему писал родственник, естественные науки развиваются более выдающимися темпами. И он сыпал фамилиями, половина из которых, правда, была со славянскими корнями, половина с немецкими... А еще Андрюша что-то писал, точнее, он говорил, что писал, но никогда не показывал и не зачитывал. Наверное, стеснялся.

Чуть позже подошли Тонечка с Володей. Тонечка опять пропустила неделю учёбы, её уже привычно отправили домой на лечение. И тут она пользовалась помощью Володеньки, который любезно помогал подтягивать пропущенное.

Ну так думали родители. А на самом деле Тоня по секрету рассказала Оле, что Володя достает ей переводные романы о любви. Они вместе много читают, обсуждают их и валяются вместе на диване! Близко-близко! Так, что иногда он прикасается своей щекой к ее...

Володя в отсутствие Тони был очень серьезным молодым человеком, ему в этом году исполнялось уже семнадцать, и он подумывал пойти в военное училище на год, чтобы отправиться на фронт. Но его родители, крупные представители торгового сословия, были категорически против, настаивая, что надо заканчивать гимназию и поступать в Университет, они знают, кто может помочь. А когда Володя видел Тонеч-

ку, лицо у него делалось дурацким, глаза оплывали и выражали только одно желание: *«Хочу жениться и быть счастливым!»*

Вот с Жанной могли возникнуть проблемы. Ей никто был не указ. Она говорила о том, что приходило ей в голову, ни с кем не считалась, а просьбы забывала. А иногда она это все делала специально в целях провокации.

Этим вечером, к слову, Жанна задерживалась, и серьёзный разговор под дровяной дух самовара был уже в разгаре без неё:

– *Вот тебе, Володенька, зачем в училище идти? Война уже вот-вот закончится...* – убедительно говорила Оля, тихонько отстукивая по столу ладошкой властный ритм фразы.

– *Да-да, закончится...* – поддакивала Тонечка с дивана.

– *...Ты вот год потеряешь, обидишь родителей. Тоня вот...* – махнула Оля в сторону товарки, и та понимающе зарделась и потупила глаза, – *волноваться будет. Мне сдаётся, ты опрометчиво поступаешь. Выбор это, конечно, твой, но, мне кажется, что в своем кругу ты полезнее будешь. К слову, госпиталей и в мирном городе полно!*

Володя сидел за столом напротив девушек, неприлично растянувшись на стуле и скрестив на груди руки. Он уже с раздражением смотрел, на увязшую в добрых советах Олю. Только что они хором с Тоней оборвали его речь о необходимости образованных кадров на фронте под предлогом, что хватит о войне. А теперь вдвоём же советики дают по теме,

которая, честно сказать, женщин и не касается вовсе.

«Дурно нынче пресса влияет на умы баб», – согласился он мысленно с замечанием своего отца.

Оля продолжала:

– Вот скажи, Володенька, хорошо же было бы, войдя в тёплый дружеский дом, забыть о войне, о нервной работе, об грязи на улице?

– Да, хорошо бы сменить тему! – огрызнулся он.

Не заметив намека, Оля посчитала себя победительницей.

– Вот и славно! Значит, больше на военную тематику здесь не говорим! Андрюша, хорошо?

– Угу... – промычал из-за какого-то французского журнала Андрей.

– Тоня?

– А я-то что? Я даже и не знаю ничего. Мне только про Наполеона учить надо, так я даже этого не читала... – стала, как перед учителем, оправдываться Тонечка.

– Мне сегодня учитель рассказал занятную фигуру об оде Ломоносова. Так как кружок у нас уже с декабря как литературный, давайте про это и поговорим!

– Я не читала... – призналась Тоня.

– Как всегда! Ничего страшного, мы сейчас по очереди и прочтём. А потом обсудим стиль, особенность и смысл написанного, – заученно повторила Оля фразу Карла Ивановича.

Сначала томик с одой «На Восшествие...» Оля дала То-

не, та, запинаясь, нарушая ритм и путая ударение, осилила страницу и с тяжелым вздохом облегчения передала книгу Володе. Тот, чеканя слова, выкрикивая отдельные слоги, отчитался, как на плацу.

Закатив глазки, Оля забрала несчастного Ломоносова и подсунула Андрею между его носом и журналом. Тот жалобно поднял глаза, аккуратно отодвинув томик, загородивший ему фотографию нового завода в пригороде Марсея, и сказал:

– *Олечка, давай послушаем, как надо читать. Прочти нам, пожалуйста, сама?*

Оля вздохнула, в глубине души признав, что оду читать тяжело. Села в кресло, приняв удобную позу, совсем не подобающую пафосному стилю стихотворения, и негромко продолжила чтение вслух. Все успокоились под приятный тембр Олиного голоса и шипение ещё кипевшего самовара и посвятили себя прерванным делам.

Тем временем в передней прозвенел колокольчик, и в комнату донесся запах улицы. Оля, не прекращая читать, поднялась и, не спеша, подошла к выходу, посмотреть, кто пришёл.

– *Александр Точь!* – отрапортовал стоящий в проходе высокий брюнет лет двадцати. – *Юнкер четвертой роты первого кадетского корпуса!*

Оля подняла глаза от книги, оглядела его гимнастерку, серебряный знак, чуть маловатую фуражку на коротко стри-

женном затылке. Представший перед ней незнакомый молодой человек был весь какой-то залихватский. Глядя на Ольгу, он улыбался во весь рот, и что-то в этом было цепляющее, ошарашивающее.

– *Пишете?* – в лоб спросила Ольга, захлопнув томик стихов Ломоносова.

– *Оленька, душа моя, ну не всем же писать, кто-то и слушать должен,* – ответила Жанна за юношу. Проскальзывая в комнату, она подхватила его под руку и затащила в гостиную мимо Оли. – *Сейчас нам не все ли равно... Ефросиня! Еще две чашечки, пожалуйста!* – по-свойски распорядилась Жанна.

Вбежала Фрося и вопросительно заглянула в глаза молодой хозяйке.

– *Мама Фрося, принеси, пожалуйста. И еще цукатиков захвати,* – подтвердила Оля.

– *Они не поемии? Голодные, итьоль?* – сказала та грудным голосом.

– *Не знаю, Мама Фрося. Иди уже...* – раздраженная деревенской простотой кормилицы подняла губку Оля: «*Ну, мамка Фрося! При моих новых столичных гостях! Вышлю к деду эту недотёпу!*»

Александр со снисходительной ухмылкой смотрел, как Оля смущается и покрывается румянцем. Она ему сразу понравилась, такая свеженькая, такая тоненькая. Такую хотелось беречь от невзгод и непогоды, как первый весенний цве-

ток.

Он прошел через всю гостиную, пожав руки присутствующим юношам и откланявшись Антонине. Уверенно сев на диван за Олиной спиной, он стал наблюдать, как она нервничает, перелистывая книжицу в поиске места, где остановилась.

Оля уже привыкла к отвлечённому взгляду Андрея, к тихому воркованию Тонечки с Володечкой, к безразличию красавицы Жанны, приходящей без конца пить горячий чай. И теперь она чувствовала, что в её гостиной всё переменялось. Словно стало жарче, но ей было не успокоить в себе озноб. Слова терялись в вихре мыслей. Пришло раздражение.

– Тонечка, я говорю, в этом стихотворении такая сложная... как там... метафора, говорю... Тоня! Ты слышишь?!

– Оля пыталась хоть в ком-то найти поддержку.

Тонечка ословелым невидящим взглядом посмотрела в сторону Оли. Не понимая, о чем речь, кивнула и продолжила полушёпотом что-то бормотать Володе. Тот, зардевшись, гордо держал Тонечкины перчатки. Он хотел было что-то ответить, но, улыбнувшись чему-то сказанному Тоней, закрыл рот.

Оля от этой любовной истории опять закатила глаза и спросила у балетной подруги:

– Жанна, что ты думаешь?

– Так я только пришла! Расскажи хоть, о чём ты? – ответила Жанна, сигналив Александру, чтобы тот пересел к

ней за столик и занялся цукатами из прошлогодней вишни. — *Продолжай, дорогуша, я слушаю.*

Оленька пыталась сосредоточиться на банальном, классическом, на том, о чем ей рассказал Карл Иванович только сегодня днём. Мысли не хотели двигаться слаженно. Она чувствовала пристальный взгляд Александра за спиной. Ей казалось, что он трогает её оголенную шею, его дыхание колышет выбившиеся из прически волосы, но он точно сидел достаточно далеко от ее стула. Ломоносов показался пафосным и грубым. Оля поправила прическу на затылке и резко оглянулась. Александр расплылся в улыбке:

— *Да?* — радостно спросил он.

— *Да...* — ответила она, не зная, что он имеет в виду.

Когда скомканный вечер поэзии закончился и все наконец покинули Кириспову гостиную, Оля долго сидела на том же диване, где сидел Александр. Она была уверена, что он заколдовал её. Голову не покидал его образ. Вот он тут сидит, напротив! И всю ночь она не спала, представляла, какой же он, как он учится, как он танцует. Что для него значит Жанна? Что он думает о современной литературе? Читает ли он «Военную летопись» или «Огонек», а может, и «Жизнь искусства»? И когда они встретятся снова?

Сон пришел к Оленьке под утро, когда она услышала, как мама Фрося в соседней комнатке вычищает печь. Хотела встать и сказать ей все по поводу вчерашней встречи гостей, но пока накручивала победоносную речь, незаметно уснула.

Глава вторая. Трепетные чувства

Зима подходила к концу. Весь город уже был покрыт сажистым грязным настом, и мама говорила, что весна нынче придёт раньше.

Несмотря на свежий запах талого снега, на улицу идти не хотелось. Серые, бурые, коричнево-черные тона города приводили Олю к неизменной меланхолии. Но в дни, когда в окошке маминой спальни появлялся кусочек синего утреннего неба, скучающую над журналами и тетрадками Оленьку тут же гнали дышать воздухом.

Чтобы подольше оставаться в своем внутреннем мире, она мигом надевала полушубок, ботинки и выскакивала из дома. Бежала прочь, не дожидаясь, пока мама Фрося натянет на себя чулки, галоши, фуфайку, жилетку и чего-то еще; пока начнет рассказывать толки и поучения режущим слух псковским говором. Мимо темных поперечных переулков, не замечая грязи и оттаявшего навозу, мчалась она вперед, как лошадка, почувствовавшая свободу. И спрятавшись от няни в соборном парке, Оля продолжала грезить.

Под черными ветками высоченных деревьев на ещё белом снегу бесились галки. Они несдержанно кричали и чего-то требовали у прохожих и друг у друга. В кустах спящих прутьев сирени чирикали невидимым гвалтом воробьи.

Здесь было много птиц и птичьих разговоров, и они ожив-

ляли этот светлый уголок Петроградки. Но эта болтовня не мешала Оле вести внутренние наблюдения за новым чувством, она наслаждалась созреванием чего-то ранее неизведанного.

Как сладко щемило сердце, когда она думала об Александре! Но уже три дня она не видела Жанну и ничего не могла узнать о нём.

Все три дня мама и мамка Фрося раздражали непроходимой глупостью. А проницательного отца своего Оля избегала сама.

Но вот завтра предстоит праздничная служба, и если, Жанна опять не пропустит её, то уже к вечеру будет известно, кто такой Александр Точь!

И от этих мыслей думы вчерашней девочки поползли в потаённое женское: «Что надеть?»

Раскидывая промокшим у носка ботинком снежок от львиных лап скамейки, Оля совершенно не заметила, как по дорожке к ней приковыляла Ефросинья:

– Олька! Куды ты делаешься? Я тебе грю-грю, глаза подымаю, а тебя и... тю-тю. Нету! Только дверка бултыхаэца от ветру-то твоего.

– Да? А я думала, ты следом идешь... – соврала Оля.

– Че, хоть пугаешь-то?! Я сперва – во двор; опосля, думаю, к реке... Ну, нет! Знамо дело, в садочек опять поперлася. И вона – ты!

– Мама Фрося! Я же просила! Что за «поперлася»? При-

шла, пошла, ушла... Ну как так можно? Тут же тебе не Замогилье твое! – Оля опять стала раздражаться от присутствия кормилицы.

– Да-да, дочка, запомню... Ну так ты тут эта... Сидеть будете? – спросила Ефросинья, – *Софья Алексевна за молоком меня посламиш. (Молочник – ирод, кислятину припер!)* *Я тоды сгоняю до Большого. А ты сидите тоды?*

– Хорошо, Фросенька, я тут тебя и подожду, домой вместе пойдём, — уже ласково сказала Оленька.

Удаляясь, няня недовольно бормотала обидные слова в адрес воспитанницы. Но Оля никогда не обращала на это внимание. Не обижалась и не злилась, у них были такие семейные привычки.

Проводив маму Фросю взглядом, Оля продолжила обдмывать гардероб к завтрашнему дню. Она сама того не заметила, как в пасмурной атмосфере её мыслей появились светлые, уже совсем весенние цвета. Синий атлас, зеленый шифон, туфли из-за границы, радужным очарованием ожидающие в шифоньере; канареечная брошь, кольцо из мелких изумрудов, белые вуали, черное кружево, красный бархат и модная темно-бордовая лента на шею. Из самого Парижа!

Сердце ее забилося гулко и слышалось по всему телу, да так часто, что стало даже жарко, а белье стало невыносимо тесным и колючим. Она осознала, что подбирает гардероб уже не на службу, а на ту вероятную встречу, которой ей очень хотелось.

Оле стало стыдно, и чтобы колокольня не услышала громких ударов её возбужденного сердца, девушка бегом помчалась по тёмному коридору Церковной улицы обратно домой.

Этим днём Фрося с Олей не разговаривала. Бухтела, обиженно вздыхала или вовсе молчала. Всем своим видом она показывала взыскательное расстройство от того, что Оля не дождалась ее.

– *Сегодня у тебя кто-нибудь будет?* – спросила Софья Алексевна за обедом.

– *Мама! Ты как всегда! Не бывает у меня никого по субботам!* – рассерженно взвизгнула Оля, толкнув, как ей показалось, зажимающий ее сервировочный столик. Приборы в тон звонко лязгнули и затихли, а Софья Алексевна сделала вид, что ничего не заметила, и спокойно продолжила:

– *Аксель говорит... Алексей, папа... Он говорит, у Замкового острова... Да что ж это такое!* – мама совсем запуталась в старом и новом, но, немного подумав, закончила: – *У Заячьего острова сегодня будут гуляния. Пойдем?*

Оля сверкнула на маму серыми влажными глазами за её показную безучастность и тоже успокоилась.

– *Не хочется...* – Оля расстроено уставилась в тарелку.

Она очень не любила рыбный суп, каждый раз об этом говорила и маме, и Ефросинье, и Матрёне, но всю зиму по субботам подавался рыбный суп.

Собирались к обеду Кирисповы, по обыкновению, долго.

А Матрёна всегда спешила с подачей на стол, и в итоге из супницы в тарелки накладывали холодную студнеобразную жижу с насыщенным рыбно-луковым запахом.

Мама и мамка Фрося с удовольствием его ели, одинаково прихлебывая и покрывая. А папа все эти месяцы по субботам обедал в городе, говорил: «*Должен же я от вас отдышаться!*» Но Оля полагала, что отец тоже не любил рыбный дух.

– *Поехали на Васильевский остров?* – вдруг пришло в голову Оле.

Она очень любила там бывать, но одну ее не пускали. В районе Стрелки Невы напоминала ей Выборгский залив. Она радовалась, когда, стоя у самой кромки льда или на краю парапета и глядя налево от крепости, ей казалось, что она видит башенку шестого этажа их дома и яркое окошко в ней, как тот маяк, который так манил её в юности.

– *Это на правой стороне?* – рассеяно спросила мать.

– *Нет, не доезжая.*

– *Я, роднунечка, на переправу не пойду, лодочник для меня – хуже извозчика!*

– *Мамочка, мы по мосту. Биржевой. Длиннющий такой! Мы по нему с папой осенью катались. Не помнишь?*

– *На трамвай не суйтесь! Мне соседка-дворничиха давече грила...* – хотела вставить пять копеек Фрося, наливая кипятку из самовара.

– *Цыц! Фрося!* – осадила поставщика городских сплетен

Софья Алексевна, — *пей чаечек свой, голубушка!* Так мы пешком, Оленька? — уточнила она у дочери.

— *Давай прогуляемся. Утром ветра не было. А солнце сегодня! И весной пахнет!*

Дамы вышли на Кронверский и не спеша прошли вдоль серого фасада. Во дворе дома за распахнутой настежь чугунной решеткой дворники выгружали из телеги остатки дров. Лошадь в теплой попоне взмокла, от нее валил пар, она ржала и задирала голову, пытаясь выглянуть из-за шор и хоть кому-то пожаловаться, что одета не по погоде.

Пройдя за флигель таких же наемных квартир, Оля чуть замедлилась у особняка. Дом этот соседний ей очень нравился. Их квартира после переезда была в новоделе, пару лет назад выстроенном, еще с запахом деревянных половиц и крашенных фасадов. По ее мнению, там даже лестницы и каминны пахнут делами и скупостью. А извивающиеся детали решеток больше похожи на придавленных дохлых змей.

А вот этот богатый дом был милым и светлым, мансардные окошки походили на окна чистеньких европейских домиков, взгромоздившихся пятым этажом.

Особняк всегда пышно светился всеми фонарями и рисовался цветными рамками зашторенных окон, будто балы здесь были каждый день. А из каретного двора то и дело выезжали автомобили, точно там был целый гаражный полк. Там даже решетка во двор была украшена с изыском: чугунные изящные ленты, тонкие копыя, похожие на бамбук, а го-

ловы то ли львов, то ли драконов огрызались на прохожих. Но последних это не пугало. Народищу там шастало!.. Тьма!

Оля с мамой прошли по Мытнинской в сторону Биржевого моста, наслаждаясь невысоким февральским солнцем. Мимо пролетали таксомоторы, стуча ободами по брусчатке и оставляя черные клубы ядовитого дыма. Ползли неспешные трамваи, обвешанные возвращающимися из контор мужчинами в одинаковых пальто. По краям проезжей части не спеша шли друг за другом конные экипажи и пустые товарные телеги.

За Биржей висела темная опухшая и мягкая на вид туча. Казалось, что если ее хорошенько тряхнуть, то она треснет посередине, как прохудившаяся подушка, и полетят по округе снежные перья.

На мосту было видно, что Нева в этом году уже не встанет, тяжелая вода гнала шугу к заливу, закручивала ее вокруг деревянных опор и лепила некрасивые грязные бугры к берегу.

Определенно пахло весной! Протяжный ветер меж берегов нес свежесть и чистоту. У Оли на этом просторе что-то ёкнуло в груди, похолодели пальцы, которыми она придерживала капор. Щекотка принялась по всему телу: откуда-то из живота пробежала в кончики пальцев ног и даже в десны.

Оля шла и улыбалась этому солнцу, этому ветру, туче и приближающимся по мосту курсантам! В первом ряду этой немногочисленной группы молодых ребят она не сразу увидела знакомую залихватскую улыбку. А когда заметила, по-

краснела и спрятала лицо поглубже в капор. Она поняла, что он тоже ее видел. Видел, как она радостно подставляет улыбку миру! А что, если он принял эту улыбку на свой счет?!

Это было неловко. Когда группа курсантов поравнялась с дамами, Александр, не переставая улыбаться, отдал поклон Оле и также радостно – ее маме. Софья Алексевна радостно поздоровалась с ним в ответ. Она не знала, что он уже приходил на Олин литературный вечер, и явно была озадачена вниманием такого красавца военного.

– Оленька, представь мне, пожалуйста, своего друга, вижу, ты и сама не ожидала его здесь увидеть!

– Александр. Кадет чего-то там, Лондовский друг. Жанна его привела в наш кружок на неделе. Теперь он с нами в чтениях участвует, – протараторила Оля вкратце. – Александр, приятная встреча, вы будете у нас опять во вторник? Нынче будет что-нибудь поинтереснее Ломоносова, – обратилась она уже к юноше, понизив голос и расставляя ударения во фразах, как учила Жанна.

– Да я и так не скучал! Приду. Жанку брать? А ваша сестра будет? – спросил Александр по-простецски, кивая в сторону Софьи Алексевны.

Оля всплеснула руками, она забыла представить маму!

– Софья Алексеевна. Я мама Оли... – та не стала жать официальных.

Пришло время смутиться Александру.

– *Pardon, madam! Я... Вы... прошу прощения*, – он сму-

щенно поклонился и побежал догонять товарищей, успевших дойти до Мытнинской набережной. Оглянувшись на ходу, он крикнул:

– *Я буду у вас, Оля!*

Оля опять покраснела и спрятала нос в норковый воротник. Софья Алексевна радостно огляделась, поправила платок и сказала:

– *Ну пойдем, «сестренка», может, еще кого-нибудь встретим. Твои друзья, роднулечка, становятся все интереснее и интереснее!*

Только сейчас Оля заметила, что ее мама – и вправду молодая, красивая, ей было слегка за тридцать. Высокая, статная, яркий русский платок поверх высокого повойника подчеркивал темные брови и совсем ещё молодые синие глаза. Меховой богатый воротник нежно прилегал к широким её скулам, щекотал чувственные губы. Она была очень привлекательной женщиной, особенно рядом с бледной астеничной Олей, утопающей в черном полушубке, огромном капоре и серой шерстяной юбке теплого платья.

Тревожная радость предчувствия покинула Олю, улыбка спряталась и большие глаза снова приняли меланхоличный вид.

Дамы обошли Стрелку, поговорили о чем-то неважном, о чем еще могут говорить не имеющие общих интересов подруги, и пустились в обратную дорогу.

Несмотря на то что прошло всего два часа, как они вышли

из дома, солнце скрылось и ветер на мосту усилился. Откуда-то издалека быстро-быстро пролетели мимо несколько крупных снежинок, и почти сразу обрушилась снежная метель. Белый крупный снег горстями летел со скоростью легавой на охоте. Он сбивал с ног прохожих, срывал с них одежду, пытался отобрать их вещи и сбросить в Неву. Мир для пешеходов сжался до полоски в шаг под ногами, все остальное скрывала метель, больно избивая по лицу тех, кто осмеливался поднять глаза.

Для Оли мир сжался в одну болезненную пульсирующую точку в мозгу: *«Ко мне ли Александр придет во вторник?»*

Она ревновала, ревновала по-взрослому, ревновала зло и ко всем: к Жанне, к маме, даже к тем книгам, которые придет слушать Александр.

Целую ночь Оленька крутилась, перекидывая дурные видения с одной горячей подушки на другую. Не помогала даже открытая форточка. Оля видела во сне темный лес с плоскими тенями, который колол ей глаза, щипал бедра, кусал за руки и выкручивал суставы. Страх был больше боли, а боль – больше страха. А в глубине этих темных, плоско-колющих ощущений горел фонарь маяка, он был глубоко и далеко, казался маленькой яркой звездочкой. Но Оля не стремилась к нему. Она, утонувшая в темных терзающих ее чувствах, наслаждалась им, таким далеким и светлым. Она знала, что тот огонек – Александр.

Утром в воскресенье, увидев в отражении свое лицо со следами ночных переживаний, она подумала, а стоит ли этот кадет её чувств и её красоты? Что в нем такого, из-за чего ее с головой накрывает ревность? Он – военный, а это никак не сходится с ее жизненными стремлениями.

«Нет! Он мне не интересен! В нем нет утонченности, творческой яркости, да и интеллекта он не проявляет! »

После светлой почти весенней службы Оля успокоилась окончательно. Настроилась держать строгий пост, не злиться и забыть о странном помешательстве.

На сходе с паперти ее нагнала Жанна:

– Дорогая моя, Оленька! Прости меня!

– Бог простит, и я прощаю! И ты прости меня! – рефлексивно ответила Оля, не снижая шаг.

– Прощаю-прощаю! Я так спешила, но на Васильевском задержалась. Там кадеты бузят, я должна была на это посмотреть! Полуголые! Пар так и прет от их тел! Они там стенку на стенку устроили, и все, поди, опоздали на службу! Там какой-то чин из окна канцелярии так орал. Даже визжал, как свин. Смеху было на всю линию! Оленька, а ты чего такая серьезная, влюбилась, что ли? – вдруг осадила себя Жанна, заметив Олино равнодушие к рассказу.

Жанна была необыкновенно хороша в каких-то светлых мехах и сетках. Модная теперь среди артистов неразбериха фасона только подчеркивала яркий тип ее внешности. И запах! Жанна источала неприлично сладкий для утра аромат

бельгийских сладостей, тем неприличнее этот запах казался на паперти в кругу согбенных прихожан, готовящихся к посту.

– *Жанна, все в прошлом! Никаких мужчин, никаких страстей, я должна думать только о настоящих ценностях.*

– *Ну и дура! Прости господи! А стихи свои ты как писать будешь, если страсти не знаешь? Как Ломоносов?* – в лоб спросила интересная Жанна. При этих словах рядом стоящие примолкли и посмотрели на пару подружек, обсуждающих небогоугодное. Оля тоже несколько оторопела, а Жанна продолжила: – *Для душевных стихов нужны искры. Даже пламень! А если ты сейчас пойдешь в монастырь мировую войну замаливать, то будет у тебя только пепел. Им судьбу свою и посыплешь!*

Оля оглянулась на серую массу сердитых стариков, заплаканных женщин, юных и унылых воспитанников гимназий. Редкие военнослужащие с напряженными скулами почти все имели видимое увечье. Она хотела спасти их всех, вернуть им кормильцев, мужей и отцов с войны. Просить у Бога мира, но какими словами?

Война идет уже второй год. Столица увядает, её коробит. Она теряет величие и достоинство. Много говорят о плохом. Громко говорят о плохом. Все всех обвиняют. Простая красота жизни опошляется.

Оля видела и чувствовала это на улице, в газетах, журналах, среди знакомых отца и даже тут, у стен храма. Какими

страстными речами она вернет людям радость быта, уют семейного очага, всесильную веру в любовь?

И твердость Олиного решения опять пошатнулась. Она должна все знать, чувствовать, слышать, видеть...

– *Жанна, у меня нет сил с тобой спорить*, – попыталась не показать видимой капитуляции Оля, – *приходи во вторник пораньше, если хочешь, поговорим. Собираемся в прежнем составе, если Тонечка не заболит*.

– *Ладно-ладно, дорогуша! Я только приведу кое-кого...*

– *Ах да! Забыла совсем! Вчера Александра встретила. Обещал быть*.

– *Вот что! Ну ты и шустрая саламандра! С мужчинами, значит, все в прошлом! Ну, Оленька, посмотрим кто кого!* – сказала с улыбкой и без обиды Жанна. – *Я побежала, вон коляска ждет, сегодня на сцену, в двойке! Надо успеть к прогону...* – она звонко чмокнула воздух рядом с Олиным ушком, обдав лицо подруги теплым ароматом вафель, и умчалась к Александровскому проспекту.

Оля дождалась замешкавшихся на выходе родителей и под руку с отцом и матерью пошла на воскресный обед. Ефросинья ковыляла позади, переговариваясь с окрестными низкочинными знакомыми, собирая пересуды про всю Петроградку. Настроение было благостное, на обед все предвкушали обильные блины с жирными начинками. Съесть надо было все успеть сегодня.

Глава третья. Посвящение

Во вторник, только отец после обеда задремал у библиотеки, на пороге уже нетерпеливо стучала ножкой Жанна.

– Давай рассказывай, чего там у тебя с мужчинами, – спросила она шёпотом у помогавшей снять манто Оленьки.

– Понимаешь, Жанночка, тебе, наверное, это все странно, но мне симпатичен один человек... Я думала, романтика – это что-то светлое, красивое, а у меня столько мыслей гадких рождается, что мир будто перевернулся и летит ко всем святым. Я спать не могу, есть не могу, с родителями не могу общаться, вспыхиваю по пустякам, а потом стыдно... Вот тогда-то я и решила, что мир в доме важнее всяких любовных переживаний. А ты вот мне все карты спутала! Я же, действительно, пока им горю, столько всего написала... Давай я тебе, кстати, почитаю, пока никого нет...

– Э, не... на меня весь этот девический жар не выливай, я уже этим переболела. А кто твое сердечко-то встревожил? Кто-то из наших? – критически рассматривая себя перед зеркальным шкафом, ткнула Жанна в сторону гостиной, где обычно собирался кружок друзей.

– Я бы не хотела... Тише, пройдем ко мне, в гостиную папа отдыхает пока... Не хотела бы никому рассказывать, – еще тише зашелестела Оля, приоткрыв тяжелые портьеры гостиной. Пробравшись на цыпочках за спинкой крес-

ла, в котором под развернутой газетой сдавленно всхрапывал Алексей Христианович, девушки попали в коридор, ведущий к Олиной спальне.

– *Даже мне?* – театральным шёпотом произнесла Жанна. – *Вот так подруга называется! Я вот тебе — всё-всё! Хочешь, расскажу про Аркадия из конторы? Ему сорок восемь, женат, детей нет, меня склоняет к... Говорит, двоюродная сестра из меня превосходная!*

– *Ой, фу!* – Оля зажмурила глаза и замахала руками, как крылышками.

– *Тогда вот про Саику – кадета, с которым во вторник встречалась,* – при этих словах Жанны Оля заинтересованно склонила голову, так что идеально стоящий белый воротничок приоткрыл изящный изгиб ее длинной шеи.

– *Которого ты к нам привела?* – уточнила она.

– *Ага, хорошенький! Но дурень редкостный! Ну вот одна извилина, ей-богу!* – стала полоскать приятеля Жанна.

– *Ну, давай, про Саику!* – усадив Жанну в кресло, Оля аж подпрыгнула от нетерпения. Присев возле подруги, она сложила обе руки ей на колени и заинтересованно уставилась, ожидая длинного рассказа. Оленька рассчитывала услышать всю его биографию, всевозможные сплетни и... Нет, про возможные отношения Александра с Жанной Оле лучше не знать.

– *Значит, это он к тебе по ночам в кошмары влазит?!* – уличила подругу Жанна, ехидно прищутив глаз и обняв

белокурую голову подруги.

Вместо признания Оля округлила серые глаза и похлопала длинными полупрозрачными ресницами. Жанне показалось, до слезы недалеко.

– *Ладно-ладно, дорогуша, расскажешь, когда время придет... Итак, Александр Точь! С начала рассказывать?* – Оля кивнула. – *Родился где-то на севере, вроде в Архангельске, что ли... Но семья из Петербургских, у них тут особнячок на Васильевском. Меня всегда такие забавляли: их сослали при царе Горохе, а они служить идут, да такие патриоты! Он всегда орет, чуть что «Я присягу давал!»* – Жанна смешно скорчила лицо, как ей казалось, соответствующее раздухарившемуся вояке. Оля прыснула со смеху в шелковые складки ярко-рыжего платья Жанны. – *Живет, понятно, в корпусе, дом они внаём сдают, я узнавала. Александру, как и мне с ним, ничего не светит. Ему уже двадцать один, так что, в этом году кончит училище и к моей матери на родину. Во Францию на фронт!!*

Оля вздрогнула и окончательно выдала себя.

– *Как же так?..* – кончик носа у неё покраснел, и из переполненных влагой глаз, прорвавшись сквозь потемневшие ресницы, потекли крупные детские слезы. Она поджала губу и отвернулась от рассказчицы, как от предательницы.

– *Ну что ты, глупенькая?! У тебя до конца мая вся весна впереди, еще наиграешься десять раз! Мало ли весной красавцев ходит?* – Жанна наклонилась и прижала Олю к мяг-

кой, ароматно-кружевной груди. Та взвыла и разразилась настоящим водопадом слез с всхлипами и соплями. Жанна закатила глаза: — *Ну что же ты ревёшь? Ты ведь его не знаешь совсем*, — инстинктивно она стала покачивать и гладить Олину голову. — *Я тебе докажу, нет, он сам докажет, что не пара тебе...* Ну-ну, миленькая моя, тише. Вот увидишь, через месяц ты поймешь, что он непроходимо глуп! Ты не волнуйся, он мой случайный знакомый, я с ним ни-ни... — решила сменить направление разговора Жанна. — *Хочешь, пойдем завтра днем в зоосад, погуляем? Ты с Андрюшкой, а я Александра возьму, а потом поменяемся?*

— *Да? А так можно?*

— *А чего ж нельзя? Мы с Андреем на свои темы поговорим. Он столько о Франции знает! А вы там пока познакомитесь, кое-что, может, и прояснится...*

Оленька встала, неуверенной походкой прошлась за ширму, тихонько высморкалась:

— *Спасибо, тебе, Жанночка! Ты такая чуткая девушка!* — сказала Оля, гнусава в платок, Жанна опять закатила глаза. — *Только ты никому не говори!* — снова вспыхнув, выглянула из-за ширмы Оля.

— *Конечно-конечно, дорогуша, я буду молчать, как мертвая!*

В это же самое время прозвенел колокольчик в передней. Девушки засуетились, поправили друг другу прически,

воротнички, помахали ладонями друг у друга перед носом, будто веером, и, взявшись за ручки, шагнули встречать гостей.

Перед зеркалом в коридоре топтался Андрей, зализывая гимназический чубчик. Он сильно вытянулся за зиму, начал бриться и уже совсем чувствовал себя взрослым. Увидев девушек, он развернулся почти по-военному и изящно кивнул головой, так, что только зализанный чуб взметнулся вверх и, рассыпавшись, прилип ко лбу смешным темным кустом.

– *Добрый вечер, дамы!* – отрапортовал он, а очки предательски начали потеть. Оля приветственно кивнула головой.

– *Здравствуй-здравствуй, Андрюша!* – с ужимками поздоровалась Жанна, протягивая руку. Андрей немного замешкался, но приник губами к кружеву перчатки взрослой красавицы и, не разгибаясь, потянулся к тому месту, где, по его расчету, должна была оказаться рука Оли. Руки не было. Оля уже убежала в гостиную.

– *Вы сегодня – просто фея!* – низким мурлыкающим голосом сказал Андрей, подхватывая Жанну влажными ладонями за локоток. Он проводил ее в освободившуюся от храпа комнату и размеренным шагом обвел вокруг стола.

– *Вот кривляка! Где ты, Андрюшка, этой пошлости хватался?* – Жанна привычно стерпела мужские повадки, которых она, к слову, не ожидала увидеть от пятнадцатилетнего гимназиста. – *Как дела в гимназии? Папа тебя не выгонит, из-за того что ты за барышнями волочишься?* – коль-

нула она Андрея, нарочно проговорив «папА» с ударением на второй слог.

– *Жанна, Вы, конечно, красавица, но глупости у вас ещё больше, чем красоты. Отец сам любит женщин, а мои успехи не зависят от моих предпочтений в свободное от уроков время,* – и Андрей усадил ее, как курсистку, у библиотеки, где обычно читал сам.

Жанну перекошило, она не думала, что Андрюшенька ей осмелится ответить. Она демонстративно встала, скрестив руки на груди, и с громким шелестом юбок перешла в противоположную от библиотеки сторону.

Андрей уютно устроился в привычном углу с журналами, развалившись в позе победителя на хозяйском кресле.

Вбежала Оля, за ней приковыляла Ефросинья с горячим самоваром. Жанна помогла расставить приборы, завязалась тихая женская воркотня и суета. Все вроде встало на свои места.

Андрей разглядывал женщин.

Он оглядел только что задетую им Жанну: рыжий шелк ее почти сценического платья обтягивал пышные бедра без турнюра и двумя слоями ткани разных оттенков образовывал крепкое основание от пола. Верх платья был похож на птичье гнездо из кружев, сеток и рюш воротника, в котором уютно покоились, точно белоснежные яички, груди внушительного размера. Темно-рыжие густые волосы были убраны в гладкую пышную прическу и казались неестественным

сценическим же париком. Эта постройка на голове Жанны явно была ей не по возрасту и прибавляла лет десять. Хотя, бесспорно, эта развитая молодая женщина была очень привлекательной, крепкой, энергичной и яркой.

Оленька же представляла из себя нечто вытянутое, непрочное – ветер дунет – от земли оторвется, – с бледными лепестками пальцев рук, с воздушным шариком светлой кички и огромными зеленоватыми глазами. Весь этот тонкий стебель был утянут серым платьем, серыми чулками и прирастал к полу серыми замшевыми домашними туфельками тонкой выделки. Сегодня не в пример обычного Олин образ дополняли белый воротничок, отделявший ее маленькую бледную головку на гибкой шее от прочей серости, и брошь из агата на том месте, где должна быть грудь. Красные пятна на лице тоже выделялись из ее привычного образа, они явно говорили об Олиных переживаниях.

Почему он сразу не заметил, что Оля так нервничает? Андрей даже поправил очки. Она бегала, суежилась больше обычного. На каминной полке – стопочка книг с аккуратными рядами закладок. На столе «Миньон»! Уже несколько лет шоколадные конфеты у Кирисовых предлагали только по праздникам. И к чему это кружевные чехлы на стульях?! Что за мещанство?!

Андрей рассматривал дом Оли почти как свой. Уже полгода с той поры, как он начал бриться, он твердо решил, что через пять лет женится на Оле. И сейчас, еще не осознанно,

но он начал переживать, кому предназначено вот это вот всё?
– *Оля!* – окликнул он хозяйку, поправлявшую, как ей казалось, смятые салфетки под чашечками с фарфоровыми колосками и золотым ободком.

Оля отвлеклась, отстраненно улыбнулась подошедшему Андрею:

– *Что, Андрюша?*

– *Оленька, сегодня праздник какой? Ты такая взволнованная...*

– *Ой, нет! Что ты! Это мы с Жанной перед твоим приходом повздорили,* – придумала на ходу Оля и поспешила отвести глаза, продолжая поправлять салфетку. А потом, вспомнив, спросила: – *Тепло сейчас, правда? Пойдем завтра в зоосад с Жанной прогуляемся? Ты сможешь до пяти приехать?*

У Андрея похолодело внутри. К нему, как озарение, пришла мысль, что ругались девушки из-за него! И марафеты сегодня тоже для него! А завтра! А завтра будет прекрасный день! Прекрасная Жанна, умненькая Олюшка и он!

– *Да-да, конечно...* – наиграно безучастно ответил он, и чтобы скрыть фееричную радость, отошел к излюбленному креслу у библиотеки, отирая влажные ладони о карманы сюртука. На девушек он старался не смотреть, ему все стало ясно!

Оля была довольна, как все вышло с Андреем. Она радовалась, что тот готов во всем поддерживать её. Он настоящий друг! И Жанна! Жанна – умница и красавица, здорово

она всё придумала!

Раздался колокольчик. Олины руки задрожали от волнения. Жанна, посмотрев на Олю, невольно тоже задрожала. И только наполненный эйфорией Андрей направился встречать гостей, опередив замешкавшихся у стола подруг.

– *Вот и Володенька, наверное!* – предвкушая, кукарекнул он, и откашлявшись, торжествующе добавил: – *Интересно, с Антониной ли он?*

Оля не сдвинулась с места, в щёлку между портьер в отражении зеркал ей было видно, как в передней появился силуэт Александра, как недоуменно изменилось лицо Андрея, не узнавшего нового участника кружка.

Андрей был на голову ниже Александра, и на погон уже в плечах. Сутулость, помятость, нестриженность гимназиста – все было контрастным на фоне статного юнкера.

Причесываясь, Александр также в сложном коридоре зеркальных отражений встретился взглядом с Ольгой. Расплылся в улыбке, убрал гребень и направился в гостиную. Оля вспыхнула и отошла на безопасное расстояние, за стол с самоваром, чтобы унять дрожь. Следом за Александром, неестественно выкатив грудь и расправив плечи, зашёл Андрей, выглядывая из-за плеча гостя.

– *Оленька! Жанночка! Я рад вас видеть! А где же ваша Мама? Софья Алексевна!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.